

Зигмунд ФРЕЙД Конструкции в анализе (1937)

I

Один очень уважаемый исследователь, которому я всегда ставил в заслугу, что он воздавал должное психоанализу в то время, когда большинство других не считало это своей обязанностью, однажды, однако, сделал столь же обидное, как и несправедливое, замечание о нашей аналитической технике. Он сказал: когда мы доводим до сведения пациента свои толкования, то ведем себя с ним по пресловутому принципу: *Heads I win, tails you lose*¹. То есть, если он соглашается с нами, то тогда все в порядке; если же он возражает, то тогда это всего лишь признак его сопротивления, и, стало быть, мы опять правы. Таким образом мы всегда оказываемся правыми по отношению к беспомощному бедному человеку, которую мы анализируем, как бы он ни относился к нашим предположениям. Поскольку и в самом деле «нет» нашего пациента обычно не означает, что мы отказались от нашего толкования как неправильного, такое разоблачение нашей техники было весьма желанно для противников анализа. Поэтому имеет смысл подробно остановиться на том, как мы обычно оцениваем «да» и «нет» пациента во время аналитического лечения, проявление его согласия и его возражения. Правда, в этом оправдании ни один практикующий аналитик не узнает ничего такого, чего бы он уже не знал².

Как известно, цель аналитической работы – подвести пациента к тому, чтобы он вновь устранил вытеснения – понимаемые в самом широком смысле – своего раннего развития, чтобы заменить их реакциями, которые соответствовали бы состоянию психической зрелости. С этой целью он должен снова вспомнить определенные переживания и вызванные ими аффективные побуждения, которые теперь им забыты. Мы знаем, что его нынешние симптомы и торможения являются последствиями таких вытеснений, то есть заменой того забытого. Какие же материалы предоставляет он в наше распоряжение, благодаря использованию которых мы можем помочь ему вновь обрести утраченные воспоминания? Самые разные: фрагменты этих воспоминаний в его

¹ [Орел – я выиграл, решка – ты проиграл (англ.). – Примечание переводчика]

² [Эта дискуссия продолжает предыдущие рассуждения в работе Фрейда «Отрицание. (1925h), *Studienausgabe*, т. 3, с. 373 и 377. Ср. также пассаж в первой главе анализа «Доры» (1905e), *Studienausgabe*, т. 6, с. 131, и примечание, добавленное в 1923 году этому пассажи, а также примечание к главе I (Г) анализа «Крысина» (1909d), *Studienausgabe*, т. 7, с. 55, прим. 1.]

сновидениях, сами по себе несравненной ценности, но, как правило, сильно искаженные всеми факторами, причастными к образованию сновидения; мысли, продуцируемые им, когда он предается» свободному ассоциированию», в которых мы можем распознать намеки на вытесненные переживания и производные подавленных аффективных импульсов, а также реакций на них; наконец, признаки повторений аффектов, принадлежащих вытесненному, в более важных или незначительных действиях пациента в аналитической ситуации и вне ее. Опытным путем мы пришли к выводу, что перенос, который устанавливается по отношению к аналитику, особенно благоприятствует возвращению таких аффективных связей. Из этого, так сказать, сырья мы и должны производить желаемое.

Желаемое – это достоверная и полная во всех существенных частях картина забытых жизненных лет пациента. Здесь, однако, мы напомним о том, что аналитическая работа состоит из двух совершенно разных частей, что она совершается на двух отдельных аренах, осуществляется двумя людьми, каждому из которых отведена своя задача. Возникает вопрос, почему на этот основополагающий факт не обращали внимание раньше, но сразу же можно сказать, что здесь ничего не скрывали, что речь идет об общеизвестном, так сказать, о само собой разумеющемся факте, который лишь здесь выдвигается и подчеркивается с особым намерением. Все мы знаем, что анализируемого нужно подвести к тому, чтобы он вспомнил о чем-то им пережитом и вытесненном, а динамические условия этого процесса настолько интересны, что другая часть работы, деятельность аналитика, напротив, отодвигается на задний план. Из того, что имеет значение, аналитиком ничего не было пережито и ничего не было вытеснено; его задача не может состоять в том, чтобы что-либо вспомнить. Какова же тогда его задача? Он должен разгадать, или, выражаясь более правильно, *сконструировать* забытое по признакам, которые оно после себя оставляет. Как, когда и с помощью каких разъяснений он сообщает свои конструкции анализируемому – это создает связь между двумя частями аналитической работы, между тем, что делает он, и тем, что делает анализируемый.

Его работа над конструкцией или, если привычнее слышать, над реконструкцией, обнаруживает значительное сходство с работой археолога, раскапывающего разрушенное и заваленное жилище или постройку из прошлого. Собственно говоря, она тождественна ей, разве что аналитик работает в лучших условиях, имеет в своем распоряжении больше вспомогательного материала, поскольку он занимается чем-то, что еще по-прежнему живо, а не разрушенным объектом, и, вероятно, также еще и по другой причине. Но точно также, как археолог, который по сохранившимся частям стен выстраивает перегородки здания, по углублениям в почве определяет количество и расположение колонн, по найденным в мусоре остаткам восстанавливает прежние орнаменты стен и фрески, действует и аналитик, когда делает свои выводы из обрывков воспоминаний, ассоциаций и активных высказываний анализируемого. Право обоим на реконструкцию посредством дополнения и соединения найденных фрагментов остается неоспоримым. Одинаковы в обоих случаях и некоторые трудности и источники ошибок. Одной из самых сложных задач археологии, как известно, является определение относительного возраста находки, и если объект обнаруживают в определенном слое, зачастую приходится решать, принадлежит ли он этому слою или он оказался на глубине вследствие последующих катаклизмов. Легко догадаться, что в аналитических конструкциях соответствует такому сомнению.

Мы сказали, что по сравнению с археологом аналитик работает в более благоприятных условиях, поскольку он располагает еще материалом, эквивалент которого не могут принести никакие раскопки, например, повторение реакций, происходящих из раннего времени, а также все то, что проявляется в таких повторениях благодаря переносу. Но, кроме того, надо учитывать, что тот, кто ведет раскопки, имеет дело с разрушенными объектами, большие и важные части которых совершенно определенно оказались потерянными вследствие механического воздействия, пожаров и грабежей. Никакими усилиями не удастся их обнаружить, чтобы сопоставить их с сохранившимися остатками. В таком случае приходится полагаться единственно и исключительно на реконструкцию, которая поэтому довольно часто не может выходить за пределы некоей вероятности. Иначе обстоит дело с психическим объектом, предысторию которого хочет поднять аналитик. Здесь, как правило, случается то, что с археологическим объектом происходит лишь в счастливых исключительных случаях, как, например, в Помпеях и с гробницей Тутанхамона. Все важное сохранилось; даже то, что кажется совершенно забытым, по-прежнему где-то и как-то

присутствует, просто оно оказалось засыпанным, сделалось недоступным для индивида. Как известно, можно даже усомниться, действительно ли то или иное психическое образование подвергается полному разрушению. Это лишь вопрос аналитической техники, удастся ли полностью выявить скрытое. Этому необычайному преимуществу аналитической работы противостоят лишь два других факта, а именно то, что психический объект несравнимо сложнее, чем материальный объект археолога, и что наше знание недостаточно подготовлено к тому, что мы должны обнаружить, так как его внутренняя структура пока еще таит очень много таинственного. На этом наше сравнение обеих работ также заканчивается, ибо основное различие той и другой заключается в том, что для археологии реконструкция – это цель и завершение всех стараний, для анализа же конструкция – только предварительная работа.

II

Однако предварительная работа не в том смысле, что сначала ее нужно выполнить как нечто целое, прежде чем приступить к следующей, например, как при строительстве дома, когда должны быть возведены все стены и вставлены все окна, прежде чем можно будет заняться внутренним убранством комнат. Каждый аналитик знает, что в аналитическом лечении дело обстоит иначе, что оба вида работы совершаются параллельно, одна всегда идет впереди, другая – сразу за ней. Аналитик доводит до конца часть конструкции, сообщает ее анализируемому, чтобы это на него подействовало; затем он конструирует следующую часть из вновь поставляемого материала, поступает с ней точно так же, и такое чередование продолжается до конца. Если в описаниях аналитической техники так мало можно услышать о «конструкциях», то причина этого заключается в том, что вместо них говорят о «толкованиях» и их действии. Но я думаю, что слово «конструкция» является намного более подходящим обозначением. Толкование относится к тому, что делают с отдельным элементом материала, пришедшей в голову мыслью, ошибочным действием и т. п. Однако будет конструкцией, если анализируемому показывают часть забытой им предыстории, скажем, следующим образом: «До n-го возраста вы считали себя единственным и неограниченным владельцем матери, затем появился второй ребенок, а с ним вас постигло тяжелое разочарование. Мать на какое-то время вас оставила, да и потом не посвящала себя исключительно вам. Ваши чувства к матери стали амбивалентными, отец приобрел для вас новое значение» и так далее.

В нашей статье наше внимание обращено исключительно на эту предварительную работу конструкций. И тут сразу же возникает вопрос: какие гарантии того, что мы не заблуждаемся и не ставим на карту успех лечения по причине неверной конструкции, есть у нас во время работы над конструкциями? Возможно, покажется, что этот вопрос вообще не допускает всеобъемлющего ответа, но перед этим обсуждением послушаем утешительную информацию, которую дает нам аналитический опыт. А именно он учит нас, что не будет никакого вреда, если мы однажды ошиблись и в качестве вероятной исторической правды представили пациенту неправильную конструкцию. Конечно же, это означает потерю времени, и тот, кто умеет рассказывать пациенту только ошибочные комбинации, не произведет на него хорошего впечатления и недалеко продвинется в его лечении, но отдельная такая ошибка безвредна³. В таком случае скорее всего пациент останется незатронутым, в ответ на это не скажет ни «да», ни «нет». Возможно, это окажется лишь отсрочкой его реакции; но если останется все как есть, то мы можем заключить, что ошиблись, и без ущерба для нашего авторитета, когда представится случай, в этом признаемся пациенту. Этот случай предоставляется, когда появляется новый материал, который позволяет создать лучшую конструкцию и тем самым исправить ошибку. Ошибочная конструкция отпадает так, словно ее вообще никогда не существовало, более того, в некоторых случаях создается впечатление, что, если сказать словами Полония, приманка лжи поймала карпа правды⁴. Опасность ввести в заблуждение пациента посредством внушения, «убеждая» его в вещах, в которые верит сам аналитик, но которые он не должен был принимать, несомненно, чересчур преувеличена. Аналитик должен был бы вести себя очень неправильно, чтобы случилась с ним

³ [Пример ошибочной конструкции упоминается в начале раздела III описания случая «Волкова» (1918b), *Studienausgabe*, т. 8, с. 139.]

⁴ [Шекспир, «Гамлет», акт II, 1-я сцена.]

подобная неудача; прежде всего он должен был бы упрекнуть себя в том, что не позволил высказаться пациенту. Без ложной скромности могу утверждать, что в моей деятельности такого злоупотребления «суггестией» никогда не случилось.

Уже из того, о чем говорилось выше, вытекает, что мы отнюдь не склонны пренебрегать признаками, которые происходят из реакции пациента на сообщение одной из наших конструкций. На этом пункте мы хотим остановиться подробнее. Верно, что мы не принимаем «нет» анализируемого как полноценное, но точно так же мы относимся и к его «да»; совершенно несправедливо нас обвинять, что во всех случаях мы истолковываем его высказывание как подтверждение. В действительности все не так просто, и мы не облегчаем себе решение таким способом.

Прямое «да» анализируемого неоднозначно. Оно действительно может указывать, что он признает правильной услышанную конструкцию, но оно может также и не иметь никакого значения или даже быть тем, что мы можем назвать «лицемерным», поскольку его сопротивлению удобно и дальше скрывать нераскрытую правду подобным согласием. Это «да» имеет ценность только тогда, когда оно сопровождается косвенными подтверждениями, когда пациент сразу же за своим «да» продуцирует новые воспоминания, которые дополняют и расширяют конструкцию. Только в этом случае мы признаем «да» как полное разрешение данного пункта.

«Нет» анализируемого точно также неоднозначно и, собственно говоря, еще менее применимо, чем «да». В редких случаях оно оказывается выражением справедливого отрицания; Несравнимо чаще оно является выражением сопротивления, которое вызывается содержанием сообщенной конструкции, но точно так же оно может происходить от другого фактора комплексной аналитической ситуации. Стало быть, «нет» пациента ничуть не свидетельствует о правильности конструкции, но оно очень хорошо уживается с этой возможностью. Поскольку каждая такая конструкция не является полной, ухватывает лишь частичку забытого события, мы вправе предположить, что анализируемый не отрицает того, что ему было сообщено, а возражает по причине пока еще не раскрытого компонента. Как правило, он выражает свое согласие только тогда, когда узнает всю правду, и зачастую она бывает очень обширной. Стало быть, единственно надежным истолкованием его «нет» является признание неполноты; конструкция, определенно, не сказала ему всего.

Таким образом, оказывается, что из прямых высказываний пациента после сообщения конструкции можно получить немного точек опоры, независимо оттого, верной или неверной она была. Тем интересней, что имеются косвенные способы подтверждения, которые совершенно надежны. Одним из них является выражение, которое с небольшими вариациями можно услышать от самых разных лиц, как будто они сговорились. Оно гласит: «(Об этом) я никогда не думал (или: не подумал бы)». Это высказывание можно не задумываясь перевести: «Да, в этом случае вы точно попали в бессознательное»⁵. К сожалению, аналитику чаще приходится слышать столь желательную формулировку после отдельных толкований, нежели после сообщения обширных конструкций. Столь же ценное подтверждение, на этот раз выраженным позитивно, имеет место в том случае, когда анализируемый отвечает ассоциацией, имеющей нечто аналогичное или сходное с содержанием конструкции. Вместо примера тому из анализа, который нетрудно найти, но невозможно было бы кратко представить, я хотел бы здесь рассказать о небольшом переживании вне анализа, которое изображает такое положение вещей с убедительностью, производящей чуть ли не комическое впечатление. Речь идет об одном коллеге, который – много лет назад – избрал меня консультантом в своей врачебной деятельности. Однажды он привел ко мне свою молодую жену, которая доставляла ему неудобства. Под всяческими предложениями она отказывала ему в сексуальном сношении, и он, очевидно, ждал от меня, что разъясню ей последствия ее неразумного поведения. Я согласился и объяснил ей, что ее отказ может вызвать у ее мужа досаждающие нарушения здоровья или искушения, которые могут привести к распаду их брака. При этом он вдруг меня прервал, чтобы сказать мне: «Англичанин, у которого вы диагностировали опухоль мозга, *тоже* умер». Сначала его речь показалась непонятной, слово «*тоже*» в предложении загадочным, ни о каком другом умершем не говорилось. Через какое-то время я понял. Очевидно, муж хотел меня поддержать, он хотел сказать: «Да, вы, безусловно,

⁵ [Очень похожие формулировки содержатся в конце работы «Отрицание» (1925h), *Studienausgabe*, т. 3, с. 377.]

правы, ваш диагноз у пациента *тоже* подтвердился». Это было полным эквивалентом косвенных подтверждений посредством ассоциаций, которые мы получаем в анализах. То, что в высказывании коллеги участвовали также другие, отставленные им в сторону мысли, я не хочу оспаривать.

Косвенное подтверждение посредством ассоциаций, которые подходят к содержанию конструкции, которые приносят с собой такое «*тоже*», предоставляет нашему суждению ценные точки опоры, чтобы догадаться, подтвердится ли эта конструкция при продолжении анализа. Особенно убедителен также случай, когда подтверждение с помощью ошибочного действия прокрадывается в открытое возражение. Прекрасный пример этого рода я однажды раньше опубликовал в другом месте⁶. В сновидениях пациента постоянно всплывало хорошо известное в Вене слово *Jauner* [жулик], но в его ассоциациях удовлетворительного объяснения не находилось. Тогда я попробовал дать толкование: наверное, он имеет в виду *Gauner* [мошенник], когда говорит *Jauner*, и пациент сразу же отвечает: «Это мне кажется все-таки слишком *jewagt*» [вместо «слишком смелым» – *zu gewagt*]⁷! Или пациент хочет избежать подозрения, что определенный платеж покажется ему слишком высоким, словами: «Десять долларов роли для меня не играют», но вместо долларов вставляет более низкую денежную единицу и говорит: «Десять шиллингов». Если анализ находится под давлением сильных моментов, вызывающих негативную терапевтическую реакцию⁸, как-то: сознание вины, мазохистская потребность в страдании, сопротивление оказанию помощи аналитиком, поведение пациента после сообщения конструкции зачастую весьма облегчает нам поиск решения. Если конструкция ошибочна, то у пациента ничего не меняется; если же она правильна или близка к истине, то он реагирует на нее очевидным обострением своих симптомов и своего общего состояния.

Подытоживая, мы можем сказать, что не заслуживаем упрека в том, что пренебрежительно оставляем в стороне позицию анализируемого по отношению к нашим конструкциям. Мы учитываем ее и зачастую находим в ней ценные точки опоры. Но эти реакции пациента в большинстве случаев неоднозначны и не позволяют прийти к окончательному решению. Только продолжение анализа может привести к решению о правильности или непригодности нашей конструкции. Для нас отдельная конструкция – это не что иное, как предположение, которое ждет проверки, подтверждения или отклонения. Мы не претендуем на то, чтобы она пользовалась авторитетом, не требуем от пациента непосредственного согласия, не дискутируем с ним, если вначале он ее отвергает. Словом, мы ведем себя по образцу известного персонажа Нестроя, дворника⁹, который на все вопросы и возражения имеет наготове единственный ответ: «*В ходе событий все прояснится*».

III

Едва ли стоит описывать, как это происходит в продолжении анализа и какими путями наше предположение превращается в убеждение пациента; каждому аналитику это известно из ежедневного опыта и не доставляет никаких трудностей для понимания. Лишь один пункт нуждается в исследовании и разъяснении. Путь, который ведет от конструкции аналитика, должен закончиться воспоминанием анализируемого; но он не всегда заходит так далеко. Довольно часто пациента не удается подвести к воспоминанию вытесненного. Вместо этого при правильном проведении анализа у него появляется прочное убеждение в истинности конструкции, которая в терапевтическом отношении делает то же самое, что и вновь обретенное воспоминание. При каких обстоятельствах это происходит и каким образом становится возможным, что внешне несовершенный суррогат все же оказывает полное действие, – это останется материалом для последующего исследования.

Я завершу это небольшое сообщение несколькими замечаниями, открывающими дальнейшую перспективу. В нескольких анализах мне бросилось в глаза, что сообщение, несомненно, точной конструкции вызывало у анализируемых неожиданный и непонятный вначале

⁶ [См. следующую сноску.]

⁷ [Глава V работы «Психопатология обыденной жизни» (1901b), в последней трети главы.]

⁸ [Ср. главу V раб работы «Я и Оно» (1923b), *Studienausgabe*, т. 3, с. 316.]

⁹ [В комедии «Разорванный». Нестрой цитируется также выше, с. 285 и 369.]

феномен. У них возникали живые воспоминания, которые они сами называли «очень ясными»¹⁰, но они вспоминали не событие, являвшееся содержанием конструкции, а детали, близкие этому содержанию, например, лица упомянутых в ней людей или помещения, в которых могло бы произойти нечто похожее, или – если пройти чуть дальше – обстановку этих помещений, о которой конструкция, разумеется, ничего знать не могла. Это происходило как в сновидениях непосредственно после сообщения, так и в бодрствовании в состояниях, сходных с мечтаниями. За самими этими воспоминаниями ничего дальше не следовало; в таком случае напрашивалась мысль трактовать их как результат компромисса. «Импульсу» вытесненного, пробудившегося благодаря сообщению конструкции, захотелось принести те важные следы воспоминания в сознание; сопротивлению удалось пусть и не остановить движение, но хотя бы сместить его на соседние, несущественные объекты.

Эти воспоминания можно было назвать галлюцинациями, если бы к их ясности добавилась вера в их актуальность. Но аналогия приобрела значение, когда я обратил внимание на случайное присутствие истинных галлюцинаций у других, несомненно, не психотических пациентов. Тогда я продолжил ход мыслей: Быть может, общее свойство галлюцинации, которому до сих пор недостаточно уделялось внимание, заключается в том, что в ней возвращается нечто пережитое в прошлом, а затем позабытое, что-то, что видел или слышал ребенок в то время, когда он еще почти не умел говорить, и что теперь навязывается сознанию, по всей вероятности, искаженное и смещенное под воздействием сил, препятствующих этому возвращению. А при близком отношении галлюцинации к определенным формам психоза наш ход мыслей можно продолжить и дальше. Возможно, бредовые образования, в которых мы столь регулярно обнаруживаем включенными эти галлюцинации, не столь уж независимы от импульса бессознательного и от возвращения вытесненного, как мы обычно считаем. В механизме бредообразования, как правило, мы подчеркиваем лишь два момента: отстранение от реального мира и от его побуждений, с одной стороны, и влияние исполнения желания на содержание бреда – с другой. Однако не может ли динамический процесс скорее всего быть таким, что отстранение от реальности пользуется импульсом вытесненного, чтобы навязать сознанию свое содержание, при этом сопротивления возникшие в этом процессе и тенденция к исполнению желания делят ответственность за искажение и смещение того, что было вспомнено снова? Но это также известный нам механизм сновидения, которое еще в древности приравнивали к безумию.

Я не думаю, что такое понимание бреда является полностью новым, но все же в нем подчеркивается точка зрения, которую обычно на передний план не выдвигают. Существенным в ней является утверждение, что у безумия не только есть метод, как уже заметил поэт¹¹, но и что в нем содержится часть *исторической правды*, и мы можем предположить, что навязчивая вера, которую внушает бред, черпает свою силу как раз из такого инфантильного источника. Сегодня, чтобы доказать эту теорию, в моем распоряжении имеются только реминисценции, но не свежие впечатления. Наверное, стоило бы попытаться изучить соответствующие случаи заболевания с точки зрения выдвинутых здесь предположений, а также, основываясь на этом, провести их лечение. Тогда отказались бы от тщетных усилий убеждать больного в бессмыслице его бреда, в его противоречии с реальностью, и скорее находили бы общую почву, на которой может происходить терапевтическая работа, в признании ядра истины. Эта работа состояла бы в том, чтобы освободить часть исторической правды от ее искажений и опор на реальное настоящее время и поставить ее на свое место в прошлом, которому она и принадлежит. Смещение из забытого доисторического времени в современность или в ожидание будущего регулярно случается и у невротика. Довольно часто, когда состояние тревоги заставляет его ожидать, что случится нечто ужасное, он просто-напросто находится под влиянием вытесненного воспоминания, которое хочет пробиться в сознание, и не может осознать, что тогда и в самом деле произошло что-то ужасное. Я думаю, что благодаря такой работе с психотиками можно будет узнать много ценного, даже при отсутствии у них терапевтического результата.

¹⁰ [По-видимому, описанный здесь феномен восходит к наблюдениям Фрейда в связи с «Психопатологией обыденной жизни (1901b), см. первое длинное примечание примерно в начале главы II. Ср. также еще более ранние статьи «О психическом механизме забывчивости» (1898b) и «О покрывающих воспоминаниях» (1899a). Там Фрейд повсюду использует словосочетание «очень ясные».]

¹¹ [Полоний в «Гамлете» у Шекспира, акт II, 2-я сцена: «Быть может, это безумие, но в нем есть метод»].

